
X V Ф О Р У М О Т К Р Ы Т О Г О О Б Щ Е С Т В А

ВОЙНЫ МОСКВЫ ЗА ВЛИЯНИЕ

Avatud Eesti Fond
Open Estonia Foundation

ТАЛЛИНН, 4 НОЯБРЯ 2010

ISBN 978-9985-9926-8-5

Составитель:
Мари Кодрес

Редакторы:
Кристина Давидянц, Яанус Пирсалу, Рахель Кинбар Грейс

Перевод на английский язык:
Кадри Оллино

Корректурa:
Катрин Керн, Евгений Криштафович

Фотографии:
Рене Сууркаев

Оформление:
Flash AD

ISBN 978-9985-9926-8-5
© Фонд открытой Эстонии, 2011

Целевое учреждение ФОНД ОТКРЫТОЙ ЭСТОНИИ
Estonia puiestee 5a, 10143 Tallinn

СОДЕРЖАНИЕ

ПРИВЕТСТВЕННЫЕ СЛОВА	4
Малл Хеллам, руководитель Фонда открытой Эстонии	
ДОКЛАД И ОБСУЖДЕНИЕ ВОЙНЫ МОСКВЫ ЗА ВЛИЯНИЕ	5
• ДОКЛАД	6
Юлия Латынина	
• ОБСУЖДЕНИЕ	14
Участвуют: журналист Юлия Латынина, гражданский активист Олег Козловский Обсуждение модерировует Илья Бань	
ИСТОРИИ ЖИЗНИ ВЫСТУПАЮЩИХ	51

ПРИВЕТСТВЕННЫЕ СЛОВА

МАЛЛ ХЕЛЛАМ
РУКОВОДИТЕЛЬ ФОНДА ОТКРЫТОЙ
ЭСТОНИИ

Дорогие друзья, уважаемые далёкие и близкие гости! От имени Фонда Открытой Эстонии я очень рада и считаю большой честью приветствовать сегодня вас всех здесь на организуемом нами пятнадцатом – юбилейном – Форуме открытого общества. Форум происходит в 15-ый раз, а фонд празднует в этом году двадцатилетие с начала своей деятельности.

Сегодняшний форум, как и большая часть наших мероприятий юбилейного года, посвящён России. Как ввиду своего месторасположения, так и своей истории мы тесно связаны с Россией, поэтому мы должны быть особенно хорошо в курсе того, что происходит у наших соседей. К сожалению, официальные средства массовой информации России не очень помогают достижению правдивой картины о ситуации в стране. На сегодняшнем форуме мы и попытаемся открыть те различные внутриполитические и внешнеполитические грани, которые направляют жизнь в России. И в этом нам помогут наши очень желанные и очень уважаемые гости из Москвы. Журналистка Юлия Латынина и молодой гражданский активист Олег Козловский. Добро пожаловать в Эстонию и добро пожаловать на пятнадцатый Форум открытого общества!

ДОКЛАД И ОБСУЖДЕНИЕ ВОЙНЫ МОСКВЫ ЗА ВЛИЯНИЕ

УЧАСТНИКИ ЮЛИЯ ЛАТЫНИНА И ОЛЕГ
КОЗЛОВСКИЙ
ОБСУЖДЕНИЕ МОДЕРИРУЕТ ИЛЬЯ БАНЬ

ИЛЬЯ БАНЬ: Здравствуйте, все присутствующие в зале и те, кто следит за тем, что происходит в этом зале, посредством интернет-связи. С этого момента можно считать 15-й юбилейный форум, проводимый Фондом Открытой Эстонии, открытым, и теперь мы начнем обсуждать то, что интересует, наверное, не только русскоязычную часть населения нашей страны, но и, пожалуй, всех, кто живет в Эстонии – что происходит у нашего большого соседа на самом деле. Ведь имея друзей, может быть бывая там, мы можем узнавать, что там на самом деле происходит. А кто не имеет этих возможностей, к сожалению, вынужден делать свои выводы на основании телевизионной трансляции. Кто-то, конечно, пользуется интернет-блогами, читает другие мнения. Кто-нибудь слушает российские радиостанции, но таких не много. Большинство из нас ограничивается телевизионными новостями, поэтому мы не так хорошо знаем, что на самом деле происходит в России.

Но всё-таки давайте постараемся обойтись сегодня без лирических отступлений, времени для этого не так много. Госпожа Хеллам только что вкратце сказала, кто у нас сегодня в гостях. Эти люди из Москвы, и действительно помогут нам разобраться, что происходит в России в эти дни и куда движется наш «большой восточный сосед». Еще раз представляю: сегодня у нас главный гость – Юлия Леонидовна Латынина. Поприветствуем нашу гостью из Москвы, она очень известный журналист. И Олег

Козловский, гражданский активист, тоже один из тех людей, кто влияет на общественное мнение в России.

Юлия, скажу сразу, что вас в Эстонии знают, и знают именно посредством того, что один из каналов, который транслирует «Эхо Москвы» – это RTVI. Вас здесь видят, ваши дискуссионные передачи, где вы на самом деле ведёте, может быть, монолог, но говорите на самые важные темы, о которых в Эстонии ничего не слышно. Вас смотрят, и вы на самом деле считаетесь в Эстонии одним из лидеров общественного мнения в России.

ЮЛИЯ ЛАТЫНИНА: В России нет общественного мнения, поэтому я вряд ли могу быть его лидером.

ИЛЬЯ БАНЬ: Юлия, что, на ваш взгляд, происходит сейчас в России, какие ветра дуют и какие изменения происходят за последние годы в России?

ЮЛИЯ ЛАТЫНИНА: Вы знаете, как ни странно, чтобы понять, что именно сейчас происходит в России, я начала бы с того замечательного 1992 года, когда комиссия Петросовета, возглавляемая Мариной Салье, стала расследовать сделки, которые провел внешнеэкономический комитет мэрии Санкт-Петербурга, то есть Владимир Владимирович Путин (*Путин являлся председателем комитета - прим. ред.*). Напомню, что в конце 1991 года, когда мэром Санкт-Петербурга стал Собчак, а Прибалтика отпустила цены на продовольствие, из Санкт-Петербурга исчезли продукты, потому что, естественно, они поехали туда, где дорого.

И Петросовет принял очень странное решение... Вернее, Петербург, Собчак, и российское правительство уже затем приняли очень странное решение: они позволили неким фирмам вывозить по бартеру российскую нефть, металл и лес, а в обмен фирмы должны были ввезти продовольствие. И все продовольствие пропало. И когда комиссия Петросовета расследовала этот вопрос, то она с удивлением обнаружила, что все фирмы были фиктивные, на большинстве договоров не были указаны цены, там, где цены были указаны, они никак не соответствовали ни-

какой логике, ни грамма продовольствия не было завезено. И под всем этим стояла подпись либо Путина, либо его заместителя. То есть можно перепутать один раз, но нельзя перепутать десять раз. На мой взгляд, это очень показательная история, потому что, собственно, вывозом по бартерным схемам нефти в обмен на что-то, что потом не ввозилось, тогда занимались у нас в России просто «братки». И чтобы понять, чем руководствуется нынешняя российская элита, находящаяся сейчас у власти – речь идет не только о Владимире Путине, но и ближайших людях, которые его окружают и которые начинали в том самом 1991/92 году – я бы сказала, что они руководствуются мировоззрением вот этих самых «братков».

Я бы назвала новую российскую идеологию «шпанизм». Это такая философия подхода к жизни, когда ты не думаешь о долгой и медленной работе, не думаешь о том, чтобы заслужить репутацию, не думаешь о том, чтобы сделать что-то долгое и положительное, а у тебя есть идея, что есть какая-то «штучка», которой ты можешь сделать какой-то трюк, который ты можешь провернуть – и весь мир будет в твоих ногах. Кремль и во внутренней, и особенно во внешней политике, постоянно имеет комплекс Буратино. Он считает, что где-то есть дверь, в двери есть дырочка, под которую подходит ключ. И надо вставить этот ключик – и дверь откроется, и Путин окажется одним из самых серьёзных лидеров мира. К сожалению, это вот философия, которая рассматривает страну в общем-то как такое место, откуда можно вывезти много нефти и получить за это много денег. В 1991 году можно было вывезти мало нефти и денег было мало. А сейчас, братва, у нас же вся страна, теперь не только какие-то 300 000 тонн. А вот теперь вся Сибнефть, весь Газпром, вся нефть ЮКОСа. И всё это можно вывозить. Братва!

Как сказал Лев Х-ый, Медичи: «Господь дал нам папство, так насладимся же им!». Вот на эту философию - «Господь дал нам Россию, так насладимся же ею» - накладывається в умах шпаны другое представление. Им очень важно чувствовать себя великими. Им никогда невозможно чувствовать себя второразрядной державой. Чувствовать себя великими можно за счёт чего? Во-первых, за счёт того, что говорить, что все про-

тивники твои – это на самом деле великая держава Соединённые Штаты Америки. Во-вторых, за счет того, чтобы вымещать этот комплекс великой державы на тех, кто поменьше, например, на Грузии или Эстонии.

Собственно, у меня очень мало времени, поэтому я бы хотела поговорить действительно о самых важных вещах, которые, на мой взгляд, характеризуют политику Путина. Первая такая вещь – это процесс Ходорковского. В 2003 году, когда Россия стояла на пути превращения в открытое общество, Путин дал чрезвычайно ясный сигнал бизнесу, который заключался в том, что нам не нужны, Кремлю не нужны открытые компании. Кремлю нужны покорные компании. И российская экономика вся оказалась закрытой. Все российские компании оказались очень непрозрачными. Но зато поэтому все российские компании – те, которые остались, – слушаются Путина. И на самом деле это была философия опять же шпаны, пришедшей к власти, потому что в Кремле не подумали «давайте будем лучше развивать экономику, экономика будет большой – наша власть тоже будет большой». В Кремле предпочли быть очень богатым правительством очень бедного народа. В Кремле предпочли, чтобы их власть увеличилась не за счёт прироста богатства всего общества, а за счет уменьшения богатства, которое они отнимают у всех, у кого можно.

Вторая история, на мой взгляд, самая показательная для Путина, была история с газом и газовой трубой. В 2005 году Путин подписал соглашение о строительстве «Северного потока» (*магистральный газопровод между Россией и Германией, проходящий по дну Балтийского моря - прим.ред.*). Оно готовилось задолго до Путина, в нем не было абсолютно ничего криминального, потому что это было соглашение, бесспорно выгодное Германии. И вдруг после подписания этого соглашения мир с удивлением услышал, что Россия превратилась в энергетическую сверхдержаву, и что газ – это наше энергетическое оружие. Во-первых, странный выбор слов «энергетическая сверхдержава», раньше это называлось «сырьевой придаток». Во-вторых, ещё более странный выбор слов насчет оружия. Представьте себе, вы пришли в спортивный магазин и купили там бейсбольную биту. Вам продадут эту биту, поскольку

полагают, что вы купили её, чтобы играть в бейсбол. Но если вы начнёте размахивать этой битой со словами «я вас сейчас всех по стенке размажу», то, видимо, вторую битку вам не продадут. То же самое с энергетическим оружием. Россия заключила нормальную сделку с Германией о строительстве газопровода, и все думали, что это коммерческая сделка. И вдруг Кремль сам сказал, что это энергетическое оружие. После этого со следующими газопроводами у Кремля начались сложности. Так же, как и с бейсбольной битой.

В сущности, в течение всех следующих нескольких лет внешняя политика Кремля была устроена очень просто: Путин на каждой встрече с министром иностранных дел, с президентом, с премьером на Западе говорил: «У нас к вам предложение: вы нам газопроводы, а мы вам месторождения». Под месторождениями имелся в виду в основном «Штокман» (*это месторождение на дне Баренцева моря до сих пор не используется – прим.ред.*), и это было очень странное представление о том, как устроен бизнес. Россия нуждалась в инвестициях, не столько даже в деньгах, сколько в технологиях, для освоения собственных месторождений. Это замечательно, когда инвесторы в вас инвестируют, инвестируемые обычно не ставят условий инвестору. Это всё равно как, представьте себе, вы приходите в супермаркет и покупаете там колбасу. В один прекрасный момент владелец супермаркета вам говорит: «Вы знаете, у меня есть заводик собственный по производству колбасы, но у него кончается оборудование, не хотите ли вы в него инвестировать немного денег?». Потребитель колбасы говорит: «Почему бы нет, у вас хорошая колбаса, она мне подходит. Давай!». И тут владелец супермаркета говорит: «Но за это я хочу половину твоей кухни». Непонятна причина сделки.

Непонятна сущность сделки, почему, если западные инвесторы согласны инвестировать в российские месторождения, они должны ещё за это отдавать трубопроводы, которые являются энергетическим оружием России. И вся эта политика полностью провалилась. В течение нескольких лет Газпрому не удалось купить трубопроводы во Франции. Не удалось даже купить трубопроводы в Италии. Не удалось купить газовые

Юлия Латынина

сети в Англии. И, конечно, возникает вопрос: а почему Газпром вообще так хотел купить газовые сети? Ответ очень простой, который заключается в том, что вот представьте себе, что вы – Путин, вы знаете наизусть цену каждого кубометра газа, вы знаете, что на отпускном пункте в Бамугартене на австрийской границе он стоит 250 долларов за 1000 кубометров, и вы знаете, что внутри Германии он продается розничному потребителю за 500. Как, думаете вы, я добываю газ, я продаю его за 250, а эти козлы получают такой навар, причём мгновенно. То есть если вы покупаете газопроводы, то вы немедленно удваиваете наличные, которые вы получаете. На мой взгляд, это продолжение той же философии шпанизма, потому что Кремль ни разу не задумался о том, как добыть наличные не сразу, а через некоторое время. Потому что одна из самых очевидных вещей, которые можно сделать с газом – это строить химическую промышленность.

Химическая промышленность США является первой в мире и генерирует гораздо больше наличных, чем любой Газпром. И, допустим, Китай сейчас инвестирует в собственную химическую промышленность по 5–6 миллиардов долларов в год. Но, несмотря на то, что в России Газпром и Путин едины, – мы говорим Газпром, подразумеваем Путин, мы говорим Путин, подразумеваем Газпром – никогда в России не было заметно, чтобы эта власть решила строить химические заводы. Потому что это начнёт приносить прибыль через десять лет. Но эта власть всегда стремилась купить трубопроводы, потому что это начнет приносить прибыль завтра. Мне кажется, что вся эта история с газом очень хорошо характеризует философию шпанизма, потому что мы видим две её составляющие: с одной стороны, стремление к немедленным наличным. Не завтра, не послезавтра, а сегодня, через два часа. Купил трубопровод, и наличные потекли. С другой стороны, те же самые люди, которые думают в терминах немедленного обогащения, хотят чувствовать себя великими и сами портят себе бизнес, говоря: «Это наше энергетическое оружие. Теперь мы этой проклятой Европе покажем, теперь мы нашу газовую трубу всем вставим в одно известное место».

И самое главное в этой философии – это непредусмотрительность. Потому что вся политика России в течение многих лет строилась, исходя из представления о том, что цена на газ будет высокой вечно... Раз в России монополия, ну, может не монополия, но раз в России много газа, значит, мы всегда сможем иметь эту дубинку. И никто в Кремле не подумал о том, что если у вас есть высокий спрос, у вас рано или поздно родится предложение. Это предложение родилось не в виде альтернативной энергетики, а просто в виде сланцевого газа. Вдруг оказалось, что из сланца легко добыть газ с помощью современных технологий. Что цена его добычи не превышает 170 долларов за 1000 кубометров. И вдруг Кремль столкнулся с реальностью, при которой цена газа на рынке США, которая зашкаливала за 700 долларов за 1000 кубов, в сентябре 2009 года опустилась до 70 долларов. Это было даже ниже, чем внутренняя цена газа на российском рынке. Вдруг Кремль столкнулся с реальностью, что США, начав производить сланцевый газ, оказались самыми большими производителями газа в мире. Я сразу добавлю, что они были вторыми по величине после России, то есть не то чтобы сланцевый газ так много переменял в смысле объемов добычи в США, но он очень сильно переменял ценовую политику. И вдруг оказалось, что Польша, которую мы имели, как хотели, кажется, может через несколько лет превратиться в экспортёра газа. То есть все эти замечательные мечты о том, что газ – это такой ключик, который можно вставить в дверь, и все тебя будут уважать, они разбились о суровую экономическую реальность.

Собственно, почему я так долго описывала историю с газом? Потому что, как я уже сказала, она очень типична для этой философии, для этого представления о том, зачем тебе нужна собственная страна, и для представления Кремля о собственном величии. И, конечно, другим ключевым моментом – я коротко упомяну об этом – тоже очень характерным для философии шпанизма, была война с Грузией. Она была устроена очень похоже на войну СССР и Финляндии, потому что СССР утверждал, что на него напала Финляндия, а Россия утверждала, что на неё напала Грузия. Разница заключалась в том, что Путин испугался занять Тбилиси, судя по всему, или, во всяком случае, не стал его занимать, испугавшись реакции со стороны международного сообщества. Один из самых важ-

ных уроков войны с Грузией заключался в том, из-за чего она началась. Она началась потому, что Путин органически не переносил Саакашвили. И есть легенда о том, что он не переносил Саакашвили после того, как Саакашвили назвал как-то после встречи с ним Путина «лилипутиным». Но я думаю, что это, скорее, легенда. А главная причина заключается в том, что Саакашвили, который не совсем демократический лидер – он немножко Пиночет, чуть-чуть, но Пиночет – он использовал огромную власть, которую он сконцентрировал в своих руках, для проведения реформ в стране. Он полностью реформировал грузинскую полицию, которая теперь вообще не берёт взятки, как и в Эстонии. Там такая же полиция, как в Эстонии. И он действительно на честных аукционах распродал всю госсобственность.

Это настолько противоречило тому, что делал в стране Кремль, что делал в России Кремль, что это вызывало очень сильное отторжение. И почему я говорю, что история войны с Грузией – это тоже история философии шпанизма, потому что вся история наших взаимоотношений с Грузией, взаимоотношений России и Грузии не содержит ответа на простой вопрос: зачем? Сначала, когда Саакашвили не понравился Кремлю, про Саакашвили сняли порнофильм. Вопрос: зачем? Если целью было добиться, чтобы Грузия не вступала в НАТО, то Грузию этим не испугали. Потом, когда Грузия поймала четырёх российских шпионов, запретили «Боржомии» и отменили рейсы. Вопрос: зачем? Если это делалось, чтобы повлиять на Грузию и заставить её слушаться России, то эффект был достигнут ровно противоположный. Перед этим в Грузии был ряд террористических актов, когда взрывали полицейские участки в Гори, потом взрывали трубопроводы, которые качали газ в Грузию, потом сказали, что это сделали террористы. Но почему-то эти трубопроводы не спешили чинить. Возникает вопрос: зачем? Ответ: а чтобы получить удовольствие. Война с Грузией, которой кончились все эти истории, она также не даёт ответа на вопрос «зачем». Если целью было заставить Грузию стать частью России, то война не была окончена. Кремль просто испугался международной реакции. Если целью было получить удовольствие, то, наверное, получили удовольствие, но, согласитесь, это мировоззрение шпаны, это не мировоззрение серьёзного государственного деятеля. Вот, наверное, основное, что я хотела сказать.

ИЛЬЯ БАНЬ: От меня лично вопрос... Ну, во-первых, реверанс в сторону Грузии. Действительно, скажу на личном опыте, что взятки там полиции уже не дают. Единственное, что расходы их на бензин увеличились – они просто ездят с включенными мигалками и показывают, что полиция всё-таки присутствует в Тбилиси, и наматывают эти километры, что называется, нагоняют страху.

ЮЛИЯ ЛАТЫНИНА: Вы не совсем правы. Я тут вам возражу. Я объясню, в чем дело, особенно тем, кто не был в Тбилиси. Это действительно ситуация, немножко отличная от Эстонии. В Грузии полиция сейчас разделена на патрульную и криминальную. Криминальная полиция – это та, которая расследует серьезные уголовные дела. А патрульная полиция – это, действительно, как вы сказали, ездит по городу, обозначая свое присутствие. Она выполняет ряд задач, то есть такая патрульная машина. Во-первых, видно, где она находится. Она не может куда-то уехать и там взять взятку. А, во-вторых, она расследует все те преступления, которые совершаются мгновенно. Утащили у кого-то сумочку, кто-то нарушил правила дорожного движения, если он сделал это на глазах у полицейских, если это можно мгновенно пресечь – это делает патрульная полиция. Кстати, Вану Мерабишвили, глава грузинского МВД, сидит в здании именно патрульной полиции, и он делает это потому, что патрульная полиция всегда во всех странах, и в Америке, и в Австралии – это наиболее криминогенная часть полиции. Это самый низкооплачиваемый человек, у которого всегда больше всего соблазна где-нибудь что-нибудь спереть, кого-нибудь хлопнуть, отобрать у наркомана героин и употребить его самому. Так что это неправда, что они только расходуют бензин, это очень сильная воспитательная мера, и это делает только патрульная полиция.

ИЛЬЯ БАНЬ: В этом, может быть, и разница с Европейскими странами, где, пробыв, может быть, неделю, ты вряд ли вообще увидишь полицейский патруль на улицах. В общем-то, мы сегодня говорим не о Грузии. И единственный вопрос хотелось задать, всё-таки нам здесь в Эстонии совершенно непонятна эта магическая пара, этот дуэт Путин-Медведев. До мнения Олега и до вопросов из зала не могли бы вы нам описать всё-

таки, что известно про этот тандем? Что там на самом деле между этими ребятами?

ЮЛИЯ ЛАТЫНИНА: Простите, там нет никакого тандема. У России есть один действующий президент – Владимир Владимирович Путин.

ИЛЬЯ БАНЬ: Вы не оговорились?

ЮЛИЯ ЛАТЫНИНА: Не важно, как его называть, император... Я бы его назвала сингулярным избирателем. Вот это тот человек, который выбирает, кто будет президентом. Не важно, кто президент, но выбирает его Путин. Вот, собственно, и всё. А Медведев, ну как вам сказать, что-то вроде пресс-секретаря.

ИЛЬЯ БАНЬ: То есть в контексте следующих выборов 2012 года, за следующий год (*то есть за 2011 год – прим.ред.*), как известно, самый активный год как раз перед выборами ничего особенного не произойдет?

ЮЛИЯ ЛАТЫНИНА: Еще раз повторяю, у нас не будет выборов, поскольку единственным избирателем является Владимир Владимирович.

ИЛЬЯ БАНЬ: Олег, с чем ты согласен, с чем не согласен? Или, может быть, тебя в современной истории России интересуют совсем другие аспекты?

ОЛЕГ КОЗЛОВСКИЙ: Я согласен практически со всем, что Юлия сказала, но я бы предложил, может, свою версию ответа на вопрос «зачем». Мне кажется, что, помимо «получить удовольствие» или «быстро заработать легких денег», многое решает внутренняя политика, особенно после всяческих неудач в сближении с Западом в начале путинского правления. Мне кажется, они просто решили законсервироваться, выдвинули эту довольно абсурдную теорию суверенной демократии. Сейчас не так часто употребляют это словосочетание, но, по сути, идеология для народа остается той же самой. Это не значит, что они сами в эту идеологию верят, но её положено пропагандировать. И она заключается в том, что у нас демократия просто потому, что мы так её называем, а

поскольку суверенным у нас де-факто является не народ, а Владимир Владимирович Путин, то всё, что он называет демократией, это демократия и есть. В общем-то, это в очень концентрированном виде смысл их идеологии. С одной стороны, это позволяет отвечать на любые упреки Запада, что, дескать, это наш суверенитет, и не лезьте в наше понимание демократии. И точно так же реагировать на недовольство интеллигенции, всяких бунтующих или недовольных слоев, говоря, что вы не понимаете, вот у нас Владимир Владимирович, его выбрало большинство или ему доверяет большинство, и поэтому у нас демократия. Тут нет ничего оригинального, они не изобретали здесь велосипед или не пытались придумать какой-то новый подход к решению внутривластных проблем. Они просто таким образом на любые угрозы своей власти находят очень простой и красивый, с их точки зрения, ответ.

И ровно поэтому же, на мой взгляд, и происходили вот эти кампании, которые развивались именно как кампании против разных стран. Сначала была Украина после «Оранжевой революции», потом Польша, Эстония, Грузия, Великобритания, опять Грузия. Во-первых, нужно всегда показывать некоего врага, потому что таким образом можно объяснить какие-то неудачи. Конечно, враг в лице Эстонии или Грузии не очень впечатлит россиян и не очень объяснит, почему у нас всё так плохо. Естественно, подспудно объясняется, что у них за спиной стоит Америка и весь Запад. Во-вторых, создаётся эта вся истерика внутри страны, и СМИ подключаются, и дипломаты подключаются, и всяческие «нашисты». И цель этой истерики – сама истерика. Просто чтобы люди увлеклись, следили за тем, как все это происходит, и обсуждали именно это, а не какие-то реальные проблемы. Мне кажется, что рациональное объяснение их поведению все-таки существует. Конечно, с точки зрения пользы для страны, с точки зрения какой-то долгосрочной программы в этом нет никакого смысла. Здесь Юлия абсолютно права. Они не думают о долгосрочной программе. Они считают, сколько мы можем усидеть здесь, столько мы усидим, и любыми средствами будем удерживать эту власть. А дальше – хоть трава не расти.

ИЛЬЯ БАНЬ: Олег, а я нашим гостям и тем, кто следит за трансляцией в интернете, напомним, что ты – один из лидеров движения «Солидарность» (*объединяющее лидеров так называемой «несистемной» оппозиции – прим.ред.*) и принимал участие в разных акциях протеста, в том числе ты сидел не только в Москве, не только в России, но тебя задерживали в Беларуси, в Минске. Скажи, то, что сейчас происходит между Москвой и Минском, такое жёсткое ухудшение и фактически телевизионная война с одной и с другой стороны – это процесс необратимый или что-то изменится?

ОЛЕГ КОЗЛОВСКИЙ: Ну, я не думаю, что он не обратимый. Эти вещи начинаются и заканчиваются совершенно независимо от каких-то объективных факторов.

ИЛЬЯ БАНЬ: А как же выборы?

ОЛЕГ КОЗЛОВСКИЙ: Беларуские выборы – это история еще повеселее, чем российские. Не надо к этому так уж серьёзно относиться, хотя...

ЮЛИЯ ЛАТЫНИНА: Там тоже сингулярный избиратель.

ОЛЕГ КОЗЛОВСКИЙ: Совершенно верно. Поэтому, ну, поссорились два диктатора. Каждый из них хочет иметь максимум политической и экономической власти. В принципе, наверное, в этом даже больше хорошего, чем плохого: они по ходу этой ссоры впервые начинают друг про друга рассказывать правду. А поскольку в Беларуси смотрят российские каналы, а в России как-то узнают, что в Беларуси происходит, то, я думаю, что для обществ наших стран, в основном, от этого только польза. Но они точно так же в какой-то момент могут и договориться, кто-то вынужден будет пойти на уступки, и мнения избирателей они, естественно, не будут спрашивать.

ИЛЬЯ БАНЬ: Олег и Юля, я, может быть, удивлю вас, но даже в Эстонии есть несколько беларуских каналов, которые постоянно транслируются у некоторых операторов телевизионного эфира.

Ну что ж, уважаемые гости, у вас есть уникальная возможность задать вопросы на любую тематику. Мы не обсудили ещё Москву, что там происходит. Первый вопрос у нас есть, с первого ряда. Будьте смелее – любые вопросы у нас приветствуются.

КАРМО ТЮЙР, из Тартуского Университета. Такой вопрос: на Западе бытует мнение, что Россия пошла на сближение с Западом. Как вам кажется, смотря из Москвы, есть такое сближение вообще, оно имеет место быть? И если да, то зачем это делается?

ЮЛИЯ ЛАТЫНИНА: Россия пошла не на сближение с Европой, а на покупку Европы. Путин выбрал стратегическую линию, которая заключается в том, что Россия будет дружить с Европой, Россия будет вкладывать деньги в Европу, что для Европы, безусловно, выгодно, тем более, что Россия будет посылать детей учиться в Европу, покупать там недвижимость. Кроме этого, Россия является гигантским рынком для Европы, прежде всего, для Германии. И, согласитесь, что Германия, например, заинтересована теоретически в том, чтобы Россия оставалась рынком, и ей не нужно никакой конкуренции со стороны российских высокотехнологических товаров. Я не говорю, что это серьёзно принимается во внимание, но я имею в виду, что Германию, в частности, и Европу вообще полностью устраивает такое положение дел, поскольку Россия путинская отличается от России сталинской именно тем, что это ни в коем случае не тоталитарный режим. Тоталитарный режим посылает в Европу танки, а путинская Россия посылает в Европу деньги. Никакой опасности путинский режим для Европы не представляет, потому что понятно: что бы Россия ни кричала, она никогда не нанесёт ядерного удара по банку, где хранит деньги. В связи с этим возникает два вопроса: первое, а, собственно, зачем Европе бороться с Россией, если Россия во всех отношениях приятна для Европы?

Ну, и есть такое... Россия представляет опасность только для своих граждан, а не для Европы. И в этом главное отличие путинского режима от предшествующих. Ну, ещё для мелких незадачливых людей, типа Грузии или Эстонии, но я не думаю, что у Меркель болит голова об Эстонии. И я бы хотела добавить, что Европа выиграла третью мировую

войну против коммунизма и проиграла четвертую мировую войну против собственной бюрократии – активно проигрывает. А бюрократия по определению является классом, легко подверженным влиянию и даже коррупции. Михаил Борисович Ходорковский (*был в конце 2010 года приговорён дополнительно к длительному сроку заключения – прим.ред.*) замечательно сказал, что одним из товаров, которые сейчас экспортирует Россия в Европу, является коррупция.

ИЛЬЯ БАНЬ: Спасибо за ответ. Кстати, по поводу этого судебного процесса, который проходит сейчас (*имеет ввиду процесс над Ходорковским – прим.ред.*), заканчивается, некоторые эксперты считают, что это будет лакмусовой бумажкой того, имеет ли всё-таки Дмитрий Медведев свое мнение или нет, то есть будет ли вынесен жёсткий приговор...

ЮЛИЯ ЛАТЫНИНА: Одну секундочку... Вы что, считаете, что Ходорковского выпустят?

ИЛЬЯ БАНЬ: Нет, выпустить – не выпустят. Дадут ли ему новый срок? Вот в чём вопрос.

ЮЛИЯ ЛАТЫНИНА: Вот вы понимаете, лакмусовая бумажка процесса Ходорковского – это очень печальная история, потому что она не является новостью. Всем известно, что будет в конце. Дадут 12 или 14... Пока Путин будет на троне, Ходорковский будет в тюрьме. Это очень печально, потому что как там с новостями? Собака покусала человека – это не новость, человек покусал собаку – это новость. Вот если бы Ходорковского выпустили, это была бы новость. А так никаких новостей не будет.

ИЛЬЯ БАНЬ: Пожалуйста, следующий вопрос!

МАЛЛ ХЕЛЛАМ, Фонд Открытой Эстонии: У меня такой вопрос к Юлии и Олегу. Как вы относитесь к процессу либерализации визового режима между Европейским Союзом и Россией?

ОЛЕГ КОЗЛОВСКИЙ: Я кратко скажу свое мнение. Я не верю, что это осуществимо в обозримом будущем. Во всяком случае, пока в России нынешней... Дело даже, может быть, не в политике, а в демографической и социальной ситуации. И пока у России открытая граница со Средней Азией, это практически будет означать открытое безвизовое пространство от Таджикистана до Франции. Мне кажется, что сами европейцы вряд ли этого захотят.

Олег Козловский

ЮЛИЯ ЛАТЫНИНА: Я уже говорила о психологии шпаны и, допустим, психологии бандита. Одна из её характерных примет заключается в том, что вы все время создаете проблемы. Великие державы проблемы решают, а хулиганы проблемы создают. Российское международное поведение очень часто заключается в создании проблем. Характерным примером служат как раз европейские визы и переговоры о вступлении в ВТО. Мы все время в Москве не можем определиться с ВТО: то мы заявляем, что проклятый Запад мешает нам вступить в ВТО, то мы заявляем, что проклятый Запад хочет нас загнать в ВТО, чтобы разрушить нашу экономику. С регулярностью раз в три месяца эти позиции меняются, и никак не могут остановиться на каком-то окончательном варианте, что же хочет сделать проклятый Запад, хотя понимают, что он хочет сделать что-то плохое. С Евросоюзом точно так же: вместо того, чтобы вести переговоры, в один прекрасный момент делается заявление, а почему они до сих пор не открыли границы? Самый простой ответный вопрос, почему в России иностранцу, который в неё приехал, до сих пор требуется регистрация?

ИЛЬЯ БАНЬ: Ответа на этот вопрос в России нет?

ЮЛИЯ ЛАТЫНИНА: Понимаете, все улучшения происходят в одностороннем порядке. Если человек желает что-то улучшить, он это делает в одностороннем порядке, например, отменяет регистрацию или отменяет визы для граждан Евросоюза. Пусть Россия отменит визы для граждан Евросоюза, и посмотрим, сколько времени Евросоюз после этого продержится.

ВАСИЛИЙ ДОЛГОПОЛОВ: Вы тут недоумеваете по поводу войны с Грузией. Но ведь это то, о чем мечтает любой активный политик. Возьмите Маргарет Тэтчер и Фолклендскую войну. Почитайте ее мемуары: «Я была счастлива, когда этот повод получился». Любой политик мечтает о маленькой победоносной войне. Это поднимает его рейтинг и поднимает рейтинг страны. Как вы к этому относитесь? Это нормальный инструмент политики – маленькая победоносная война.

ИЛЬЯ БАНЬ: Но, к сожалению, от этого обычные люди страдают.

ЮЛИЯ ЛАТЫНИНА: Я как раз абсолютно в этом смысле аморальный политик – когда война выгодна, то почему нет? Я просто не вижу, в чем состояла выгода России в этой войне или, допустим, в истории с Бронзовым солдатом. Я понимаю, что в XIV-ом или XV-ом веке политика была устроена примерно так: король забирал кусок земли, и это действительно способствовало увеличению и процветанию его королевства. Но в современном цивилизованном мире, достаточно давно уже так, если ты вступаешь в войну, то минусы, которые от этого получает твоя страна, перевешивают плюсы. Например, Китай, не будучи особенно демократической страной, на нынешней ступени развития, безусловно, мог бы очень легко завоевать Тайвань. Тем не менее, он этого не делает, несмотря на то, что он имеет гораздо больше, с точки зрения внутренней китайской идеологии, причин для этого, чем Россия в отношении Грузии. Причины для этого чисто экономические. Если Китай прибегнет к насилию, то он потеряет гораздо больше, чем получит. Война за Фолклендские острова не повлекла за собою падения имиджа Англии, не причинила особых убытков английской экономике. Война с Грузией, мягко говоря, ничем не помогла России, ни внутри, ни снаружи.

АРТУР ЦУРБАКОВ: У меня вопрос к обоим гостям.

ИЛЬЯ БАНЬ: Давайте я скажу для тех, кто следит за телевизионной трансляцией в Интернете и, может быть, не услышал этот вопрос: неужели всё так плохо в России? Есть ли что-то хорошее? Как-то космические технологии и некоторые музыканты...

ЮЛИЯ ЛАТЫНИНА: Я думаю, что в России появился очень хороший средний класс менеджеров и собственников. Они не являются самыми крупными собственниками, но этот средний класс отчетливо представляет себе, что происходит в России, и не строит никаких иллюзий, потому что бизнес вообще редко строит себе какие-то иллюзии. Эти люди абсолютно политически не активные, потому что их задача зарабатывать прибыль, а не выходить на площадь. Но эти люди представляют собой тот образованный и просвещенный класс общества, на основании которого страна движется вперед. Второе, наверное, то, что в современной России распространение всё больше получает Интернет. И сначала

это казалось невероятным, но потом в какой-то момент оказалось, что Интернет стал способен генерировать новости и быть конкурентом телевидению. Дело в том, что в тот момент, когда Кремль захватил власть, он, захватив телевидение, установил монополию на генерацию новостей. Все мы на «Эхе Москвы» и в «Новой газете» оказались просто комментаторами. И ещё несколько лет назад, допустим, если бы Путин проехал на жёлтой Ладе Калине по Дальнему Востоку, то новостью была бы поездка Путина на народном автомобиле, ну а Юлия Латынина, «злой язык» на «Эхе Москвы» прокомментировала бы, что там дороги нет, что бандиты на дороге людей убивают и так далее. А сейчас получилось так, что люди - это называлось «Клуб диверсантов» - поехали и сняли на камеру проезд Путина, выложили это в Интернет. Там оказалось несколько десятков автомашин, едущих по совершенно пустой дороге. Все машины были иностранные. Жёлтых Лад Калин было целых три. И это было новостью. Конечно, её увидело не столько людей, сколько составляют аудиторию Первого канала, но это был не комментарий, а новость. Это две принципиально разные разновидности информации. И мы видим, что плотность в России Интернета достигла такой степени, что это качественно иная ситуация. Мы можем проследить власть во всём. Еще несколько лет назад убийства на дорогах высокопоставленными чиновниками или ментами простых граждан не являлись новостью. Их просто никто не замечал. Сейчас они, почти каждый такой случай возбуждает огромную общественную реакцию негодования именно благодаря Интернету. И в этом смысле ситуация отчасти напоминает конец 1980-х, когда крах Советского Союза во многом был вызван появлением новых технических средств в распространении информации. Я думаю, что путинский режим стабилен, я не думаю, что что-то может его в ближайшее время потрепать. Но Интернет кажется одной из таких сил.

ИЛЬЯ БАНЬ: Я извиняюсь за интимный вопрос. Какие самые популярные сайты, которые Юлия Латынина открывает с утра?

ЮЛИЯ ЛАТЫНИНА: Прежде всего, новостные сайты. Кстати, это тоже феномен российского Интернета, что в мире, как правило, если уж люди идут в Интернет, то они идут на сайт CNN или на сайт Washington

Post , чтобы узнать новости. В России есть самостоятельные новостные сайты, это newsru.com, gazeta.ru, в какой-то мере это grani.ru, хотя это более такой диссидентский сайт. Прежде всего, newsru.com, echo.msk.ru. Сайт радиостанции «Эхо Москвы» превратился в самостоятельное средство массовой информации, сильно отличное от самого радио. То есть на базе радио создано некоторое другое медийное пространство, и это феномен, сильно отличающийся от Запада.

ИЛЬЯ БАНЬ: Что самое приятное в России для Олега Козловского?

ОЛЕГ КОЗЛОВСКИЙ: Я бы здесь отметил, что у нас медленно, но начинает подрастать гражданское общество, пока это в основном довольно слабые разрозненные инициативы, которые тоже очень тесно связаны с Интернетом, потому что в основном люди находят друг друга, координируются, собирают сторонников через Интернет. И вот мы видели, что за последние несколько лет было несколько, в том числе достаточно успешных, кампаний, которые или родились в Интернете, или шли полностью в Интернете. Как правило, они были не политические или в основном не политические, но зачастую они создавались самыми обычными людьми, которые ещё несколько лет назад были абсолютно пассивными в этом плане. Ну, например, кампания так называемого общества синих ведёрок. Для тех, кто не знает, это люди, протестующие против синих мигалок на автомобилях российских чиновников. Это тоже родилось в Интернете, это развивается в Интернете, хотя эти люди выходят на улицу. И большинство этих людей не имеет никакого отношения ни к партиям, ни к движениям, ни к организациям. Просто в какой-то момент, видимо, критическая масса недовольства у этих людей была достигнута, и они начали вести активную гражданскую деятельность. И вот таких инициатив становится всё больше. За последние два года в несколько раз, например, в российских блогах увеличилось упоминание выражения «акция протеста». Это видно по графикам, которые составляет Яндекс. Это на самом деле говорит о многом, несмотря на то, что на уровне государства все зацементировано так же, как и было, но общество при этом начинает просыпаться.

ИЛЬЯ БАНЬ: Насколько эффективны вообще такие акции? Ведь недавняя акция, когда боролись с тем, что неправильно припаркованы автомобили в Москве, обрела другой оттенок: якобы, некоторым попортили автомобили наклейками.

ЮЛИЯ ЛАТЫНИНА: Это акция «Наших» была.

ОЛЕГ КОЗЛОВСКИЙ: Дело даже не в том, что это устраивали «нашисты». Это была, наверное, с их точки зрения ошибка, они выбрали неправильную тактику.

ИЛЬЯ БАНЬ: Кто-то извинился за это?

Илья Бань, Юлия Латынина и Олег Козловский

ОЛЕГ КОЗЛОВСКИЙ: Нет, конечно. Чтобы они извинились перед кем-то!... Я думаю, они ждут, что перед ними будут извиняться водители этих машин. Но это вопрос тактики. Бывает, что и вполне нормальные гражданские организации, появляющиеся снизу, тоже совершают какие-то неправильные действия. Опыт ведь тоже набирается со временем.

ВАЛДО ПАДДАР, Эстонская партия свободы: У меня вопрос насчет Путина времён Собчака и насчёт периода Путина. В начале 90-ых Россию

поделили на центры развития, которые имели довольно точные очертания. В северо-западный район входили Санкт-Петербург и Ленинградская область. Нижний Новгород получил себе прекрасную стартовую площадку, также чувствовалось, что Москва готовится отпустить или разделять Россию с учётом готовности общаться с Европой как в экономических, так и культурных целях. Теперь мой вопрос к вам – что к настоящему времени стало с этими регионами развития и не заметно ли в России, что там проходит некоторая мысленная черта, которая делит территорию на ту, что находится по эту и по ту сторону Урала. Действует ли какая-нибудь политическая, региональная методика притяжения в разные стороны или что-то подобное, чувствуется ли, что имеется Москва и европейская часть и Зауралье в качестве сокровищницы и востока, в виде отдельной политики.

ОЛЕГ КОЗЛОВСКИЙ: Как я понял из перевода, как сейчас, есть ли притяжение европейской части России к Европе, а, соответственно, Зауралья – к Китаю или Востоку. Я думаю, что Юлия лучше меня ответит на этот вопрос. На мой взгляд, конечно, такое разделение существует. Влияние Китая на Дальнем Востоке и в Сибири очень велико и оно растёт, и не видно, чтобы этому где-то был конец.

ИЛЬЯ БАНЬ: В чем это конкретно проявляется?

ОЛЕГ КОЗЛОВСКИЙ: Это проявляется в экспансии экономической, демографической, в каком-то смысле даже политической.

ИЛЬЯ БАНЬ: То есть община китайцев в Иркутске растёт?

ОЛЕГ КОЗЛОВСКИЙ: Ну, насколько я знаю, да. Конечно, это зачастую беспокоит местное население, но это редко передается на государственный уровень. Мы видим, что сейчас и Путин, и Медведев вполне лояльно к этому относятся. В европейской части России, конечно, это пока меньше заметно, большее влияние здесь имеет, пожалуй, Европа, хотя это, наверное, несопоставимо с тем влиянием, которое имеет Китай на Дальнем Востоке.

ЮЛИЯ ЛАТЫНИНА: Нет, я не думаю, что это так. Если житель Санкт-Петербурга ездит на выходные в Финляндию, а житель города Благовещенска ездит на выходные в Хейхэ, который по ту сторону речки, столица провинции Хэйлуцзян, то это не значит, что одни тяготеют к Европе, а другие тяготеют к Китаю. Есть кардинальная проблема России, которая как раз очень обострилась во время Путина, которая заключается в том, что если все решения принимаются в Москве, и если самой выгодной ценной бумагой является указ президента, то соответственно все решения будут приниматься в Москве, все люди приедут туда, и регионы просто будут отмирать. Вот это очень ярко происходит в России, мы это видим и по количеству тех пробок, которые образуются в Москве, просто в неё физически все съезжаются, в связи с чем образуются пробки, и по степени, с которой уменьшается население в провинции. Например, в том же Иркутске количество жителей за последние несколько лет, если я не ошибаюсь, упало на треть. Примерно такими же темпами пустеет Владивосток (*официальная статистика этого не подтверждает – прим.ред.*). Это очень серьёзная проблема.

Я знаю, что Путин просто панически боится Китая, ему время от времени кладут на стол докладные записки о том, что Китай все поглотит, и, в общем, при такой политике это действительно может случиться, потому что вопрос не в экономической экспансии китайцев, а вопрос в том, что геополитика не терпит пустоты. Если в Хабаровском крае, Забайкальском крае и Приморском крае государства нет, а государства российского там нет, там есть коррумпированная полиция, там есть какие-то «братки», губернатор из «братков», Путин на жёлтой Ладе, но это все не суммируется в государство. Это вторичные половые признаки. Если там государства нет, то там какое-то государство появится. И при взгляде на карту видно, что это государство будет не Чили. Вот если бы там была Чили, то опасность нам грозила бы со стороны Чили. Плюсом является то, что Китай вряд ли решится на военную экспансию, по крайней мере, пока не покончит с Тайванем. Потому что военная экспансия будет для него минусом в экономическом развитии. К тому же это северные регионы, в которых китайцам не очень жарко. Минусом является то, что существует масса невоенных способов проникновения, колонизации.

Собственно, то же самое происходило в начале 20-го века со стороны России по отношению к Китаю. Россия строила КВЖД, Россия при этом не оттяпала китайскую территорию, но де-факто это было Россия. Достаточно легко представить себе ситуацию, при которой часть этих регионов будет служить Китаю базой для полезных ископаемых, но при этом не будет де-юре являться Китаем. Это, к сожалению, факт, связанный с тем, что китайские чиновники мыслят тысячелетиями, а путинские – долларами. Качественная разница в мышлении.

ЛИЛИЯ СОКОЛИНСКАЯ: Я внимательно по Интернету, о котором вы говорили, Юлия, слежу за событиями в России, потому что это как бы продолжение моей бывшей профессиональной деятельности. Мне кажется, что в России намечаются какие-то новые явления, хотя бы по последним данным о поддержке дуумвирату. Практически поддержка уже сравнялась. И в то же время возникает очень странная ситуация с внешнеполитическими акциями или направлениями России. Если с Европой и даже с НАТО несколько заигрывают, ведут какие-то игры, то поездка президента на Кунашир (*самый южный остров Большой гряды Курильских островов, относящихся к России, принадлежность которого оспаривает Япония – прим.ред.*), вовсе не Клондайк это, является каким-то вызовом восточным странам, с которыми Россия хотела бы или должна была бы иметь контакты. И одновременно в этом же Интернете появляются реакции, кто-то говорит: зачем он поехал и что он там потерял, а кто-то говорит, этим фашистам надо показать их место.

ИЛЬЯ БАНЬ: А истина, как всегда, наверное, где-то посередине.

ЮЛИЯ ЛАТЫНИНА: Нет, истина не всегда посередине. Я думаю, фашистов, которым можно показать их место – это спокойно можно списать на деятельность вэб-бригад. То есть, возможно, кто-то так думает, но это не популярная точка зрения. Я еще раз повторяю, Медведев не принимает решения, тем более такие, самостоятельно. Эти решения за него принимает Путин, я думаю, поездка Медведева на Кунашир – это сильное внешнеполитическое унижение Медведева. Я не думаю, что между Медведевым и Путиным есть хоть какой-то политический конфликт. Между человеком и его марионеткой не может быть политическо-

го конфликта. Но там, видимо, есть некий психологический конфликт, который заключается в том, что марионетке иногда очень обидно, что её не считают человеком. А человеку, наоборот, иногда очень обидно, что поднимается вопрос о том, что марионетка – это человек. Чистая психология. И я думаю, что это как раз превентивная акция, направленная на то, чтобы всякие западные лидеры, типа Обамы или Меркель, не думали, что Медведева так уж стоит поддерживать. А время от времени, когда у Европы возникают иллюзии на этот счёт, Медведев что-то такое вынужден совершить. Или сняться в черной рубашечке, передавая послания Виктору Ющенко, или съездить на Кунашир. Потому что у нас совсем недавно произошло увольнение Юрия Лужкова. Некоторые идиоты подумали, что решение принимал Медведев. И легко было предсказать, что за этим последует несколько сильных аппаратных унижений Медведева. Первым таким сильным унижением стало назначение Сергея Собянина, человека насквозь преданного Путину. Более того, в тот момент было легко предсказать, что назначат именно Собянина, потому что в тот момент, когда якобы Медведев подписал приказ об увольнении Лужкова, Собянин и Путин вместе отдыхали в Тыве. Ясен пень, кого назначат мэром.

ИЛЬЯ БАНЬ: Ну, совпадение, может быть.

ЮЛИЯ ЛАТЫНИНА: Да, да, и кирпич на голову два раза упал... И я думаю, вторым таким унижением стала как раз вот эта поездка. Я даже сильно подозреваю, что Медведев реально пытался её избежать, потому что в первый раз он свалил с темы. Помните, он не поехал. Так нет же, его послали во второй раз.

ИВАР РАЙГ, Таллиннский университет: Вопрос в контексте московских войн за влияние – об инициированной Россией организации сотрудничества БРИК (Бразилия, Россия, Индия, Китай). Если смотреть со стороны России, представляет ли БРИК альтернативу Европейскому Союзу и, например, ВТО? И вообще, что может значить эта инициатива в контексте московских войн за влияние? Ведь первая встреча на высоком уровне этой организации была организована в Екатеринбурге в 2009 году, а в Эстонии об этом знают не очень много, поэтому я и задаю

этот вопрос. И, во-вторых, всё в том же контексте BRIC – насколько серьезным является желание России превратить рубль в конвертируемую валюту и сделать валютой БРИК, например, конвертируемый рубль или там какую-нибудь другую валюту, китайскую валюту, ведь в одно время Россия имела такую цель – сделать, чтобы наряду с долларом и евро была российская валюта.

David Vseviov

ЮЛИЯ ЛАТЫНИНА: На мой взгляд, БРИК больше не существует. Это очень хорошо видно по динамике послекризисных отношений. Т.е. есть Индия и Китай, которые идут вперед, есть Бразилия, которая по-разному себя ведет. И есть Россия, которая стала вываливаться из стран БРИК. То есть страны БРИК стали разваливаться. Эта классификация четырех быстро развивающихся экономик, возникшая после 1992 года, она просто больше не действительна, она не является удобным способом классификации. Что же касается конвертируемости российского рубля, то, во-первых, юань тоже не конвертируемый, за что, собственно, Соединённые Штаты и пытаются регулярно Китаю вставить. То есть я не могу сказать, что он совсем не конвертируемый, потому что, естественно, имеются схемы инвестиций в китайский юань, которые хорошо известны каждому банкиру, но в общем, мы юаней не покупаем, хотя с удовольствием хотели бы. И если бы мы их покупали, то курс юаня был бы, вероятно, процентов на 20 выше, о чём все время плачут Соединённые Штаты. Россия периодически рассказывает какие-то сказки о создании в России международного финансового центра и появлении рубля в качестве альтернативы доллару, но мне кажется, что появление ни российского рубля, ни иранского – я не знаю, что у них там, в Иране – ни венесуэльского песо, если у них песо (*национальной валютой Венесуэлы является боливар – прим.ред.*), все-таки в качестве альтернативной мировой валюты миру не грозит. Вот юань – это серьёзный вопрос, а рубль – это как-то не очень.

ХЕЙКИ АХОНЕН: Мне, как обывателю, кажется, что Россия сегодня напоминает Россию до 1914 года, то есть я вижу там автократическое правительство, практически государственную церковь, разрозненную оппозицию. Мой вопрос: если это правдоподобно, то кто тогда следующие большевики?

ЮЛИЯ ЛАТЫНИНА: Вы знаете, мне кажется, что это очень неверное сравнение. Конечно, можно делать любые сравнения. Как раз с Россией до 1913 года я бы сравнила ельцинскую Россию. Россия до 13-го года была чрезвычайно быстро растущей экономикой, она росла на 8% в год. Практически в мире не было экономик, которые могли с ней сравнить-

ся, она была сравнима со шведской и американской. У неё производство стали за 50 лет увеличилось в 8000 тысяч раз. Чрезвычайно быстрыми темпами росла образованность. У неё была очень высокая социальная мобильность. Бесспорно, если бы не было социалистической революции, то Россия стала бы если не новой Америкой, то вполне достойной страной. В этом смысле ельцинская Россия тоже развивалась в правильном направлении. У нее была масса недостатков, но она развивалась в правильном направлении. Если современную – путинскую – Россию с чем-то и сравнивать, то это с эпохой Брежнева. Эпоха абсолютной стагнации, когда все, с одной стороны, понимают абсолютное фарисейство власти, никто не воспринимает власть всерьёз, снизу доверху. Самые высокие государственные чиновники и самые приближенные к власти бизнесмены над ней просто откровенно смеются. Откровенно смеются над инициативами так называемой модернизации, над проектом поставить Сколково на государственные деньги (*идея создать в Московской области подобие Силиконовой Долины – прим.ред.*), над очередным криком Медведева «Вот я сейчас чего-то там сделаю!» в будущем времени... И одновременно никто с этим всерьёз не борется, потому что понимают, что это бесполезно. Потому что так же, как и брежневский режим, этот режим либо рухнет сам, либо продолжит свое существование, пока он не рухнет. А с Россией 1913-го года я не вижу ни малейших параллелей.

ИЛЬЯ БАНЬ: Вопрос к вам как к москвичам. Проблему пробок возможно решить?

ЮЛИЯ ЛАТЫНИНА: Все возможно решить, но очень сложно.

ИЛЬЯ БАНЬ: Есть конкретные предложения, как-то дискутируют жители Москвы на эту тему?

ОЛЕГ КОЗЛОВСКИЙ: То, о чем жители Москвы дискутируют, к сожалению, имеет мало отношения к тому, что будет делаться. Есть много предложений, начиная от альтернативных видов строительства дорог. И дороги над дорогами. И предлагается ограничивать въезд транспорта в центр, и предлагается усовершенствовать общественный транспорт,

много чего ещё предлагается. Но я не думаю, что это кто-то будет реально делать. Гораздо выгоднее всегда построить лишний торговый центр.

ЮЛИЯ ЛАТЫНИНА: На самом деле пробки в Москве – это очень хорошая история. Транспорт является очень хорошей аналогией общества. В Москве есть несколько слоев проблем. Кстати, одна из таких проблем теоретически существует в Таллинне – это средневековое устройство города, низкая связанность дорожной сети. Город устроен не так, как устроен Нью-Йорк, в котором максимально высокая связанность дорожной сети. Город устроен из колец и сходящихся к ним радиальных линий, что в принципе плохо. Второе, на это накладывается само устройство России, где все почему-то едут через Москву. Это исторические проблемы. На эту историческую проблему наложилась проблема Советского Союза, которая заключалась в том, что вокруг исторического центра города в конце XIX-ого и начале XX-ого века была построена промзона, которая не исчезла, как во всех европейских столицах из-за экономики. И позади этой промзоны были построены спальные районы. Соответственно, логистика транспортного сообщения стала очень тяжелой. Тем более, что советская эпоха не предусматривала личного автомобиля как идеи. Третья проблема возникла уже во времена Путина, или даже точнее, во времена Лужкова, нет, именно во времена Путина, и связана с тем, что все решения принимаются в Москве и поэтому все приезжают в Москву. Четвертая проблема является непосредственно проблемой коррупции, потому что Лужков очень ярко демонстрировал вот эту философию шпанизма. И в его представлении не было города как целостного пространства, которое надо планировать, а был город как совокупность квадратных метров, которые можно продать под застройку. Градостроительные принципы Лужкова нарушили даже принципы итальянской мафии во времена так называемого разграбления Неаполя. Если кто не знает, то когда в 1960-х годах итальянское правительство стало давать деньги на застройку Неаполя, это было то, на чем второй раз поднялась итальянская мафия. Процесс носил название «разграбление Неаполя». И вот даже во время разграбления Неаполя был принцип не строить дома поперек дороги. Лужков нарушал даже этот принцип, потому что, с его точки зрения, любое пространство в центре Москвы, особенно подзем-

ное, считалось не освоенным, если не построить на нем торговый комплекс площадью как минимум несколько сотен тысяч квадратных метров. То есть можно просто себе представить, какую транспортную нагрузку дает подземный торговый комплекс в центре города, и куда люди ставят машины и что при этом происходит с трафиком. Было несколько вопиющих случаев, на мой взгляд, например, постройка развязки на Ленинградском шоссе за два миллиарда долларов. Какой бюджет города Таллинна?

ИЛЬЯ БАНЬ: Около полумиллиарда евро.

ЮЛИЯ ЛАТЫНИНА: Полмиллиарда евро. Ну, замечательно. Почувствуйте разницу. Полмиллиарда евро – бюджет Таллинна и два миллиарда долларов – развязка на Ленинградском шоссе. Самое замечательное в этой развязке было то, что она не привела ни к какому существенному улучшению транспортного потока, потому что на выезде Ленинградка упирается в бутылочное горлышко под названием Химки. И расширить это бутылочное горлышко невозможно, потому что земля с обеих сторон продана под гигантские коммерческие торговые центры, которые сами, в свою очередь, обеспечивают новую нагрузку на транспортную сеть. Это к тому, что еще одним самым простым примером являлось то, что земля в центре города продавалась под новую так называемую точечную застройку (*это означает, что в дворы существующих домов разрешили строить новые дома – прим.ред.*), что приводило к увеличению нагрузки на городскую инфраструктуру. И вместо этого нужно было строить хоть одну стоянку, которую не строили, потому что с этого нельзя взятку получить. Это я к тому, что на самом деле транспортные проблемы в Москве в настоящий момент практически не разрешимы, то есть они рукотворны, но они не разрешимы. Это как с циррозом печени: если ты пил водку, у тебя случился цирроз печени. Но это не значит, что если ты перестал пить водку, твоя печень станет здоровой.

ИЛЬЯ БАНЬ: Ведь по статистике, уровень насыщенности транспортной Москвы сейчас по сравнению с европейским около 70%. Это значит, что Москва еще будет добирать эти автомобили и, значит, все станет еще хуже?

ЮЛИЯ ЛАТЫНИНА: Я могу сказать, что транспортная обеспеченность Москвы автомобилями в три раза ниже, чем города Нью-Йорка. Там действительно нужны очень тяжелые меры, которые, например, жители Таллинна легко поймут. У вас сколько стоит парковка в центре, в Старом городе, семь евро в час *(по данным, опубликованным на сайте города Таллинна, парковка в центре стоит 1,2 евро в час, а в Старом городе 4,5 евро в час – прим.ред.)?*

ИЛЬЯ БАНЬ: Но это очень дорогая парковка.

ЮЛИЯ ЛАТЫНИНА: Нет, но это правильно. Или так, или раком!

ИЛЬЯ БАНЬ: Есть такое. У нас город разделен на зоны, сам центр города.

ЮЛИЯ ЛАТЫНИНА: В Москве это сейчас отсутствует напрочь. Есть ряд очень тяжёлых мер, которые придется вводить, которые крайне непопулярны будут, потому что никому не понравится парковка по семь евро в час. И правительство их не обсуждает. То есть я зареклась критиковать нового московского мэра, хотя бы надо дать годик человеку, но первое, что я услышала, во-первых, Медведев пообещал решить транспортные проблемы Москвы, что очень неосмотрительно, это вам не модернизация.

ИЛЬЯ БАНЬ: Тут можно проверить.

ЮЛИЯ ЛАТЫНИНА: Да, тут как бы все наглядно. А, во-вторых, они устроили мозговой штурм, они все сели на совещания, и министр транспорта Левитин или его зам, я, честно говоря, не помню... с самым серьезным видом сказал: «Мы решили на 30 см сократить разметку полосы и за счет этого пустить дополнительный автобус». Размер полосы 3 м 25 см.

ИЛЬЯ БАНЬ: То есть 30 см – это очень существенно.

ЮЛИЯ ЛАТЫНИНА: Да, и полос три-четыре. Задача для детского школьного возраста. Сколько раз по тридцать сантиметров надо взять, чтобы получить новую полосу в три метра? И все люди, которые сидели на совещании, они мудро кивали.

ИЛЬЯ БАНЬ: Я думаю, наши гости понимают, почему мы говорим, казалось бы, о такой узкой проблеме, как пробки в Москве. Во-первых, Москва – это не только финансовый, но и прочий центр России. И эта проблема является самой серьезной в Москве. Юля, как вы относитесь к той инициативе...

ЮЛИЯ ЛАТЫНИНА: Нет, это проблема является очень показательной. Эта проблема ни в коем случае не проблема одного только Путина или Лужкова, но она ими усугублена до степени исчезновения Москвы как единого связанного пространства.

ИЛЬЯ БАНЬ: Юля, мой вопрос заключается в следующем: одна из инициатив научного круга – это вынести административный корпус московский в один из городов-спутников Москвы, для того чтобы вся бюрократическая братия разом переехала...

ЮЛИЯ ЛАТЫНИНА: Вы представляете, сколько её там?

ИЛЬЯ БАНЬ: 160 000, насколько я знаю.

ЮЛИЯ ЛАТЫНИНА: А обслуживающего персонала?

ИЛЬЯ БАНЬ: Ещё больше. Всё вместе 250 тысяч.

ЮЛИЯ ЛАТЫНИНА: По поводу 160 000 я вам только одну историю расскажу. Она называется так: «Как Сердюков сокращал генштаб». Министр обороны Сердюков решил выяснить, сколько человек работает в генштабе. Ему показали расписание, сказали, что 100 000. Сердюков не военный, но он финансист. Потому он взял площади всех помещений, разделил на рыло, и получились какие-то космодромы. Он сказал, как-то мало. Тогда ему принесли вторую бумажку и сказали: «А вот у нас еще тут корпус обслуживания генштаба, и там еще 12 000». Он снова разделил, опять получилось неправильное количество. Он сказал: «Вы уверены?». Тогда ему принесли третью бумажку, и там значился корпус обслуживания корпуса обслуживания генштаба, где было ещё 20 000 рыл. Он 10 000 из этого числа сократил, и после этого вся армия возненавидела Сердюкова. Она сказала, что он уничтожает армию.

ИЛЬЯ БАНЬ: То есть такое решение московских пробок невозможно?

ЮЛИЯ ЛАТЫНИНА: Нет, вы знаете, для этого бюрократию надо не выселять, а уничтожать.

ИЛЬЯ БАНЬ: Хорошее решение от Юлии Латыниной. Мы приветствуем ваши вопросы. Пожалуйста, госпожа Хеллам хочет задать вопрос.

МАЛЛ ХЕЛЛАМ: У меня два вопроса. Первый про Интернет, другой вопрос – про демократию. Интернет – конечно, реальная сила. И реальная опасность для недемократических режимов. Чувствовали ли вы, что Кремль как-то пытается препятствовать распространению Интернета? Есть какие-то шаги? И другой вопрос: как может и должен ли Запад помогать российским демократам и демократическим движениям? Если да, то как это делать?

ЮЛИЯ ЛАТЫНИНА: Про Интернет, как ни странно, до сих пор не было никаких реальных шагов по ограничению Интернета. Пару раз какие-то странные персонажи, представлявшие якобы от имени партии власти, например, сенатор Слуцкер *(на сегодня уже бывший сенатор от*

Чувашии Владимир Слуцкер – прим.ред.), заявляли, что надо ввести ограничения, а то там порнуха и ещё что-то. Но каждый раз Слуцкер так быстро брал свои слова обратно, что было ясно, что он действует сам от себя. Со Слуцкером была проблема, что в Интернете были опубликованы протоколы допросов, из которых явствовало, что он, скорее всего, причастен к убийству бывшего генерала ФСБ и своего начальника службы безопасности. После этого сенатор Слуцкер воспылил желанием преградить путь порнухе и экстремизму в Интернете. Но пока никаких реальных серьёзных попыток не было. Более того, затыкали рот, видимо, в Кремле тем, кто об этом говорил. Но, честно говоря, я всё время ожидаю такой попытки, потому что Интернет становится все более и более опасным. А что касается Запада, то Олегу виднее... Но с моей точки зрения, Запад должен думать о себе, а не о России. И если учесть, что Россия, в общем-то, не представляет, как я уже сказала, опасности ни для кого, кроме как своих граждан, то совершенно непонятно, почему этим должны заниматься не граждане России, а кто-то со стороны.

ОЛЕГ КОЗЛОВСКИЙ: По поводу Интернета Юлия права – практически не было серьёзных попыток как-то его ограничить, напрямую, во всяком случае. Хотя ещё недавно были какие-то предложения, кажется, Шлегеля, кстати, «нашиста» – депутата (*член Государственной Думы, бывший комиссар движения «Наши» Роберт Шлегель – прим.ред.*), по ограничению Интернета чуть ли не с регистрацией всех сайтов. Но это, во-первых, технически очень трудно выполнимо, точно так же, как фильтровать Интернет, что делает Китай или Иран. Это стоит огромных денег, и не все видят, зачем их вкладывать. Тем более, если даже кто-то хотел бы это сделать, они понимают, что всё равно эти деньги будут разворованы.

ЮЛИЯ ЛАТЫНИНА: Это плюс, а не минус с точки зрения принятия решения.

ОЛЕГ КОЗЛОВСКИЙ: Но они будут разворованы не теми, кто принимает эти решения – это одна из причин, может быть, почему эти решения не принимаются. Вторая причина, я думаю, в том, что они вообще мало понимают в Интернете: что это такое, как оно работает, и, к счастью для

нас, это для них такой темный лес. В этом смысле, мне кажется, угроза, скорее, а не плюс в том, что Дмитрий Медведев более активный, как блогер, чем как президент.

ЮЛИЯ ЛАТЫНИНА: Абсолютно.

ИЛЬЯ БАНЬ: Он хороший блогер? Я не заходил просто...

ОЛЕГ КОЗЛОВСКИЙ: Ну, фотографии он периодически выкладывает в твиттере – ничего.

ЮЛИЯ ЛАТЫНИНА: Есть другой блог, который называется KermlinRussia, вот тот очень хороший. *(речь идёт о пародийном микроблоге Twitter «Перзидент Роуссу»: <http://twitter.com/#!/KermlinRussia> - прим.ред.)*

ОЛЕГ КОЗЛОВСКИЙ: Да, на него делают пародию, причем, иногда мне приходится специально смотреть, кто это писал, потому что пародия иногда так похожа на оригинал, что их трудно различить. Кстати, пародия пользуется практически такой же популярностью, как оригинал, по количеству читателей.

ЮЛИЯ ЛАТЫНИНА: Я перебыю. Просто одна цитата из пародии: «Нам нужен новый национальный поисковик, старый – ФСБ – больше не работает».

ОЛЕГ КОЗЛОВСКИЙ: И многие чиновники по этой иерархии стали, как у нас принято, копировать начальство, заводя свои блоги, твиттер, ЖЖ и так далее. И соответственно, они стали смотреть, а что там про меня пишут? А что может про меня прочитывать мой начальник? И это создает для них большие стимулы, большое желание как-то гайки закрутить. Слава Богу, что они пока не очень много понимают. Кроме того, есть надежда, что всё-таки до полного абсурда доходить не будет. С этими всеми нашими лозунгами про модернизацию закрывать Интернет будет полным идиотизмом. Впрочем, есть другие, не прямые способы влияния. А именно, они пытаются скупать или оказывать какое-то экономи-

ческое влияние на основных поставщиков контента. То есть прямо или косвенно контролируется, например, Живой журнал. В твиттере и даже в фейсбуке сейчас пытаются увеличить свою долю российские предприниматели (*в Facebook около 10% сейчас принадлежит российским инвесторам – прим.ред.*). И, конечно, это создает угрозу, которая пока не реализована. То есть цензуры, например, в Живом журнале нет, но зато есть рубильник. В случае чего этот рубильник, так же, как с «Эхом Москвы», например, или с REN TV, всегда можно дернуть. В этом есть опасность. Ну и, кроме того, так называемые интернет-бригады и просто активисты прокремлёвских организаций, они очень целенаправленно и активно пытаются использовать интернет. Хотя зачастую лучше бы для них, если бы они молчали. Этим летом был большой скандал, даже несколько, когда активисты «Молодой гвардии» «Единой России» в интернете, в фотошопе нарисовали фотографию, как они, якобы, тушили леса во время пожаров. Это обнаружилось. Они очень грубо сделали эту подделку. И после этого несколько из них даже лишились своих должностей, потому что скандал было трудно погасить.

Что касается Запада, то здесь я бы разделял, что могут делать государства и что может делать гражданское общество. С государствами главная проблема в том, что особого желания как-то влиять на демократию в России и помогать нет, и это не удивительно. Всегда какие-то краткосрочные насущные проблемы, внутренние проблемы, экономические вопросы или вопросы безопасности играют гораздо большую роль, чем ценности развития демократии и тому подобные вещи. Но, тем не менее, есть и положительные примеры. Например, я хочу поблагодарить Эстонию за то, что многие «нашисты», включая Василия Якеменко (*бывший лидер движения «Наши», организатор нападений на посольство Эстонии в Москве, нынешний руководитель Росмолодёжи – прим.ред.*), были включены в чёрный список на шенгенские визы. И насколько я знаю, это было воспринято очень болезненно в определённых околоставных кругах, когда Якеменко не смог поехать в Италию отдохнуть, потому что ему отказали в визе. Я думаю, что такие случаи, на самом деле, играют гораздо большую роль, чем может показаться на первый взгляд, потому что они воздействуют не только на тех, против кого напрямую ввели

такие персональные санкции, но и на всё их окружение, потому что об этом узнают все, и все понимают, что оказывается, какая-то ответственность, пусть небольшая, но наступает. Оказывается, про них не забыли и про какие-то их злые деяния помнят, и даже приходится за это немножко отвечать. Здесь много можно было бы сделать. Здесь много людей, помимо «нашистов», которые просто напрямую оказывают отрицательное влияние на российскую демократию и на отношения России с Западом, их очень много. Я здесь не говорю про Путина. Мы все понимаем, что ему будут улыбаться столько времени, сколько у него есть власть. Но существуют люди среднего и нижнего звена, которые добровольно, совершенно сознательно, участвуют в подавлении демократии в России, потому что они уверены, что им ничего за это не будет. И вот эту их уверенность хотелось бы разрушать. Что касается гражданского общества, то я бы хотел, чтобы именно гражданское общество создавало мотивы и стимулы для государств этим всем заниматься, потому что сами по себе никакие чиновники, скорее всего, не станут это инициировать. И, кроме того, чтобы гражданское общество в европейских странах больше взаимодействовало с гражданским обществом России.

ИЛЬЯ БАНЬ: Кстати, говорят, что из России еще не выпускают по вине судебных исполнителей.

ОЛЕГ КОЗЛОВСКИЙ: Было бы неплохо, конечно, чтобы судебные исполнители и российских чиновников не выпускали, но боюсь, что с этим придется немного подождать.

ЕВГЕНИЙ КРИШТАФОВИЧ, молодёжное объединение «Открытая Республика»: Юлия, к вам персональный вопрос. В одном из своих интервью здесь в Эстонии Вы сказали, что если на эстонском языке захотят издать Ваши книги, то вы хотели бы чтобы первой на эстонском языке был издан «Ниязбек». Вы там рассказываете о ситуации на Северном Кавказе и о том, что Россия фактически не контролирует этот регион...

ЮЛИЯ ЛАТЫНИНА: Да нет, просто книжка хорошая. А что я там хотела сказать, я сама не знаю.

ЕВГЕНИЙ КРИШТАФОВИЧ: Все-таки, исходя из месседжа книги... Вопрос мой, в общем, о Северном Кавказе и о том, насколько российское руководство сейчас имеет контроль над этим регионом или не имеет. И до какого момента будет продолжаться, как Вы там называете, это «шапито», которое мы сегодня наблюдаем. Насколько Кадыров лоялен к Кремлю?

ИЛЬЯ БАНЬ: Ну да, эта фраза по поводу того, что он любит Путина настолько, насколько мужчина может любить мужчину.

ЮЛИЯ ЛАТЫНИНА: Кадыров совершенно точно лоялен к Кремлю. Но когда болгары брали дань с Византии, неужели вы думаете, они бы добровольно отказались от возможности получать дань? Там вопрос не в том, что Чечня может отпасть от России, а в том, что ее не оторвать. Она так присосалась, что не отцепишь. На самом деле есть Чечня, и есть остальной Северный Кавказ, это два немножко разных региона. У них разная динамика благодаря личности лидера. Я долгое время восхищалась Кадыровым, совершенно реально могу это сказать. Конечно, это человек, который нарушает все мыслимые и немыслимые права человека, но долгое время он был очень эффективен. Он вернул в Чечню жизнь в самом простом, биологическом, понимании этого слова, потому что чеченец не мог проехать 3 метра, не подвергаясь опасности быть расстрелянным просто так. Если вы чеченец и живете в Чечне, то это очень важно для вас. Он реально отстроил Грозный. Деньги до этого на Грозный тоже выделялись большие, но исчезали неизвестно куда. Он спас от смерти и вытащил из леса несколько тысяч чеченцев, и какое-то время была ситуация, при которой реально все люди сражались за независимость, когда-то, в первой войне, они были или мертвы или служили Кадырову. В этот момент это было динамическое развитие вверх и, наверное, был какой-то момент, когда Кадыров мог стать чеченским Пиночетом. Понятно, что он никогда не был демократическим лидером. Кроме того, у него всегда была гигантская проблема, которая была во всей Чечне, которая заключается в том, что есть определенное количество людей в Чечне, которые сражаются за Аллаха, как и на Кавказе, которые хотят там установить такой же порядок, что и талибы. И, собственно, какое-то время ситуация

заклучалась в том, что были люди, которые служили Кадырову, а те, кто бегал в горах – это были такие страшноватые ребята, которые хотели сражаться за Аллаха. И единственный способ удержать 17-летнего мальчика, которому очень хочется убить своего мента и попасть в рай, от того, чтобы уйти в горы – этот мальчик не образован, он ничего, кроме оружия, не держал в руках, он с семи лет бредил только подвигами – это дать ему понять, что что-то случится с его родственниками. Это не имеет никакого отношения к правам человека, но это эффективно.

Юлия Латынина

И в какой-то момент в этой ситуации наступил перелом. Мне кажется, что отчетливо этот перелом наступил после смерти Натальи Эстемировой (*активистка-правозащитница, убита в 2009 году в Ингушетии – прим.ред.*). Дела в Чечне пошли все хуже. При этом формально у Кадырова очень много власти, то есть он очень влиятельный человек не только в Чечне, но и в России, он вмешивается в бизнес-проекты в России. Но мы видим, что буквально несколько недель назад произош-

ла кардинальная перемена в движении фундаменталистов, которая заключается в том, что от него откололось чеченское крыло. Доку Умаров, который является формально лидером «Имарата Кавказ» – это виртуальное мусульманское государство, которое, якобы, существует на всем Северном Кавказе, это абсолютно безумные люди, которые уже сейчас называют Грозный Джохаром, а Махачкалу – Шамилькалой. Они пишут в своих отчетах, что сегодня на улицах Шамилькалы мобильный отряд моджахедов вступил в бой с превосходящими силами кяфиров. Вы можете подумать, что на улицах Махачкалы происходят бои, на самом деле двух боевиков, запершихся в каком-нибудь доме, расстреляли из танка. То есть это люди, которые живут в абсолютно виртуальном мире, в таком же, в каком живут худшие маргиналы из числа поклонников Бронзового солдата. И какое-то время Кадырову противостояли только эти люди. И вот мы видим, что эти люди раскололись, из них вышло собственно чеченское сопротивление. Более того, люди, которые вышли из подчинения Доку Умарова, получили благословение со стороны человека, которого зовут Муханнад. И вы будете смеяться, это настоящий эмиссар «Аль-Каиды» на Северном Кавказе (*бывший пилот Иорданской армии Муханнад был убит в 2011 году, считался последним лидером арабских боевиков в Чечне – прим.ред.*). Вообще, «Аль-Каида» – это такой мифический персонаж. Он редко бывает, во всяком случае, реже, чем о нем вспоминает ФСБ. И даже не так часто, как о нём вспоминает ЦРУ. Но Мухханнад – это действительно глава арабского отряда на Северном Кавказе, это действительно преемник Абу Хавса, Абу Валида и, соответственно, Хаттаба (*один из лидеров арабских наёмников в Чечне во время войны 90-ых годов – прим.ред.*). И это человек, который является чистой интернациональной «Аль-Каидой», вдруг говорит: «А я с чеченской частью». Это очень печальный признак, потому что он означает, что внутри Чечни родился спрос на движение, которое не является интернационально-кавказским. И если предыдущие несколько лет кавказское сопротивление выживало за счет того, что эти люди прятались в других республиках, в Чечне им было физически тяжело, их предавали, им было нечего есть. Операция по закупке макарон в деревне для них превращалась в тяжелое испытание боем. Сейчас мы видим, что ситуация изменилась. Это очень тяжелый симптом, на мой взгляд,

для Кадырова. Это означает, что минусы его правления постепенно для чеченцев начинают весить больше, чем плюсы. И есть ситуация во всем остальном Северном Кавказе, которая описывается очень просто: религиозные фундаменталисты, которые еще несколько лет назад были там абсолютно маргинальной силой, превратились в одну из самых главных там сил. Им платит бизнес, им платят чиновники. То есть Северный Кавказ превращается в этом смысле в Сомали или в Алжир. На мой взгляд, сейчас ситуация стала необратимой, она не была такой еще несколько лет назад. И реальный выход, единственный для России, – это отделение Северного Кавказа. При этом следует понимать, что это государство или те государства, которые образуются там, исламские государства, они будут не только резко враждебны России, но они будут вести себя так же, как Палестина по отношению к Израилю. У них будет куча претензий. Они вспомнят про Ставропольский край, про Краснодарский край, про геноцид черкесов, в общем, про все вспомнят. Но это будет лучше, чем нынешняя ситуация, которая заключается в том, что Россия вливает в Кавказ деньги, и эти деньги в конечном итоге поступают боевикам.

СЕРГЕЙ НЕЧАЕВ, судостроитель: У меня вопрос относительно движения «Солидарность» и Бориса Немцова лично. Хотя это вопрос больше к Юлии, потому что я представляю, что Олег очень оптимистичен в этом вопросе. Вопрос такой: каковы реальные шансы стать им действительно влиятельной силой в России?

ЮЛИЯ ЛАТЫНИНА: Мой ответ будет очень короткий. На мой взгляд, в России не может быть оппозиции, потому что какая может быть оппозиция во времена царствования Анны Иоанновны? Это не вопрос слабости оппозиции или каких-то недостатков самого Немцова или Олега. Это вопрос того, что оппозиция бывает только в демократической стране. Когда бизнесмен может давать ей деньги и не бояться угодить за это за решётку. И когда оппозиция может что-то сделать. Первое, что всем дает понять Путин, оппозиция не может сделать ничего. Вообще никто не может сделать ничего, если его зовут не Путин, не Тимченко, не Кожин или не Ковальчук.

ОЛЕГ КОЗЛОВСКИЙ: Я не совсем согласен, что оппозиция только в демократических странах бывает. Даже совсем не согласен. Просто она бывает разная. Я думаю, что я не так оптимистично, как вы, может быть, ожидаете, смотрю на будущее «Солидарности» и вообще оппозиции. Очень много проблем внутренних есть. И проблемы лидеров существуют, и проблемы просто эффективности самих организация и атмосферы внутренней. Это все надо менять и это займёт не один год. То есть даже если предположить, что сейчас вдруг у нас какое-то происходит чудо и пройдут демократические выборы или открываются СМИ, это вовсе не будет означать, что произойдет падение Берлинской стены. Неожиданно, послезавтра. И оппозиции очень много нужно работать, в том числе «Солидарности», чтобы, когда появится такая возможность, которая действительно, к сожалению, мало от нас зависит, то есть, когда это случится – чтобы этой возможностью воспользоваться, чтобы её не упустить, чтобы у нас какая-то политическая нестабильность не вылилась бы во что-то худшее или просто в повторение пройденного. «Солидарность» идёт по этому пути с проблемами, и я думаю, что серьезное испытание, конечно, предстоит в 2011–2012 году. Очевидно, что будут попытки создать и зарегистрировать партию, что партию «Солидарность», что партию коалиции, в которую вошла «Солидарность», а также движение «Демократический выбор», Народно-демократический союз Михаила Касьянова и Республиканскую партию Николая Рыжкова... Естественно, никто во власти не захочет регистрировать эту партию, она получит отказ и будет получать отказы очень долго. И естественно, что нас не допустят участвовать в выборах – здесь никаких иллюзий быть не может. И вопрос в том, как будет на это «Солидарность», и вообще оппозиция, реагировать: или мы опустим голову и скажем: «Ну, играйте по своим правилам», как это было в 2008 году, когда Касьянова отказались регистрировать. Или это будет хотя бы некая кампания по демонстрации того, чем являются на самом деле выборы, так называемые демократические, в России. Мне кажется, максимум, чего мы можем и должны добиться в 2011–2012 году, это показать россиянам, тем, кто этого ещё не понял, а таких, к сожалению, немало, что эти выборы не имеют абсолютно никакой связи с общественным мнением, с желаниями граждан. И что те, кого, как они говорят, выбирают в органы власти, не являются не только

лидерами страны, не только самостоятельными политиками, но вообще не представляют никого, кроме тех в администрации президента и в аппарате правительства, кто их туда назначил.

АЛЕКСАНДР АРУТЮНОВ: Юлия, к вам вопрос такого рода. Я считаю вас очень хорошим профессиональным аналитиком. Хотелось бы услышать ваш прогноз России на ближайшие, допустим, 20 лет. Россия 2030 года. С учетом демографической ситуации, которая все ухудшается, с учетом коррупции, которая процветает, и так далее. Что ждёт Россию буквально через 20–30 лет. Это первый вопрос. И, если будет время, еще второй вопрос: манифест Михалкова (*имеет ввиду манифест кинорежиссёра Никиты Михалкова о «просвещённом консерватизме» - прим.ред.*), наверное, читали...

ЮЛИЯ ЛАТЫНИНА: Нет, и даже не буду.

АЛЕКСАНДР АРУТЮНОВ: Правильно, и не надо!

ИЛЬЯ БАНЬ: Значит, что второй вопрос отпадает?

ЮЛИЯ ЛАТЫНИНА: Помните, как было сказано, „я Пиписькина не читал, но полагаю, что он очень похож на Мамашкина, которого я, впрочем, тоже не читал.“

АРУТЮНОВ АЛЕКСАНДР: И слава Богу, что не читали, но вот Андрона Кончаловского, может быть, читали. Он в июле написал работу, достаточно интересную, на мой взгляд. И там, мне кажется, есть какой-то ответ на то, почему такое происходит в России. И одна из причин кроется вроде бы в православии русского народа. Вот ваше отношение к этому.

ЮЛИЯ ЛАТЫНИНА: На православие две минуты – это сильно! Вы знаете, поведение очень сложной системы очень сложно предсказать. Я не берусь предсказывать, что будет с Россией через 20 лет, просто потому что путинская система очень неустойчива. Она очень парадоксальным образом устроена. Нет ничего, что могло бы вывести ее из рав-

новесия. Мы видим, что этого ничего нет. Но мы понимаем, что когда что-то выведет ее из равновесия, то обратно она в состояние равновесия не вернется. Она похожа на камень, который лежит на вершине горы. Не видно никакой силы, которая может столкнуть этот камень с вершухи горы, но когда он покатится вниз, совершенно ясно, что он на середине не остановится. Это в значительной степени предсказать нельзя, как никто не смог бы вам предсказать февральскую революцию 1917 года. Плюньте в глаза тому, кто в январе 17-го года вам бы сказал, что случится февраль.

Что касается православия, то, вы знаете, у всяких сложных систем куча причин, по которым они устроены так или иначе. Православие, безусловно, не способствует... Но можно сказать, православие не способствует, католицизм не способствует, ислам не способствует – вот уж ислам точно не способствует. Просто это очень общие ответы. Я думаю, что у России в XX-ом веке было по крайней мере два шанса стать свободной страной, это в 1917 и в 1991 году. И оба шанса были упущены благодаря стечению обстоятельств. И я думаю, что если, скажем, у России не было бы нефти, то в тот момент, когда скончался Сталин и Хрущев пришел к власти, Россия вполне могла бы пойти по китайскому варианту. То есть в этот момент в ней еще был избыток рабочей силы в деревнях, сильная партия, которая не хотела отдавать власть, и с ней бы произошло примерно то же, что с Китаем, что для Эстонии было бы, наверное, хуже, потому что независимость вы бы не получили, шиш бы получили – как Тибет. Но в принципе для России это было бы лучше. То есть я обращаю ваше внимание на то, что есть куча исторических фактов, которые не сводятся к православию, хотя, бесспорно, православие не способствовало, потому что... Я бы даже сказала, что кириллица была хуже православия.

ИЛЬЯ БАНЬ: И в завершение нашей беседы всё-таки, Олег и Юля, буквально несколько слов, наше время истекает. Ваше впечатление о нашей стране поменялось?

ОЛЕГ КОЗЛОВСКИЙ: У меня хорошее впечатление осталось об Эстонии, и я бы хотел, чтобы Россия, насколько это вообще у нас возможно, двигалась в похожем направлении. Хотя я боюсь, что это начнётся, к со-

жалению, не очень скоро. Я бы, может быть, вспомнил такую поговорку или такой совет, который родился очень давно, в советские времена, среди диссидентов, и который, мне кажется, применим к странам Европы, в том числе к Эстонии в отношениях с Кремлём – это не верь, не бойся, не проси. И мне кажется, это было бы хорошим итогом нашего сегодняшнего обсуждения.

ЮЛИЯ ЛАТЫНИНА: У меня куча впечатлений. Я успела съездить в кучу мест. Среди таких даже не самые главные, как порт в Силламяэ, павший жертвой войны с Бронзовым солдатом. Мы с Криштафовичем как раз там были. Видели абсолютно пустой порт с гигантскими портовыми сооружениями, очень дорогими, нефтяной терминал новейший, за 100 миллионов долларов, и посреди всего этого великолепия стоял один единственный сухогруз под флагом Антигуа и Барбуда и с названием «Таллин» через одну Н. Он разгружал белый песочек, видимо, песка вокруг было мало. Это так, из мелких впечатлений, а из очень сильных впечатлений – это, конечно, судостроительный завод господина Бермана, на котором я была вчера, потому что я видела потрясающе развивающееся производство, которое скоро вступит в ранг крупных мировых судостроителей, которые строят метро для Стокгольма и всякие невероятные вещи. И эта штука родилась из вонючего какого-то заводишки, который ремонтировал мелкие рыбацкие судёнышки. Самое главное, что меня поразило, что Фёдор Абрамович Берман, который был назначен здесь директором за два года до независимости... Он эстонский сейчас знает?

ИЛЬЯ БАНЬ: По крайней мере, понимает.

ЮЛИЯ ЛАТЫНИНА: То есть человек, который является с точки зрения российской терминологии типичным «красным директором», объяснял мне, как много для фирмы значит репутация, и почему банки дают тому, кто возвращает деньги в срок. Это был совершенно потрясающий экономический ликбез... в каком смысле? Потому что у меня вопрос. Это очень важный вопрос, он касается разницы того, что случилось с Россией и с Эстонией. В России все «красные директора» разворовали свои предприятия, и наши реформаторы, включая Анатолия Борисовича Чубайса, всегда нам объясняли, что они реформаторы были замечатель-

ные, но вот сволочи, красные директора, не поняли, какие замечательные были реформы, и разворовали свои предприятия. Я, конечно, понимаю, что Фёдор Абрамович Берман действительно замечательный человек, и он действительно неординарный, выдающийся, но так же не бывает, что он один выдающийся оказался в Эстонии на этом вонючем заводе. А вот все плохие оказались в России.

ИЛЬЯ БАНЬ: Юля, все бывает, к сожалению, бывает так, что время наше эфирное заканчивается. Начали мы с Москвы, а закончили Берманом. Вот уж удивительно!

ИСТОРИИ ЖИЗНИ ВЫСТУПАЮЩИХ

ЮЛИЯ ЛАТЫНИНА

Латынина Юлия Леонидовна родилась 16 июня 1966 в Москве в семье литераторов; отец – поэт и прозаик Леонид Александрович Латынин; мать - литературный критик Алла Николаевна Латынина .

В 1983 поступила в Литературный институт им. Горького.

В 1988 году по программе международного студенческого обмена стажировалась в Лувенском Католическом Университете (Бельгия)

Закончив Литературный институт с красным дипломом в 1988 году, поступила в аспирантуру этого же института на романо-германское отделение. В январе 1993 года защитила в Институте мировой литературы кандидатскую диссертацию, посвященную типам антиутопического дискурса. (Издана малым тиражом под названием «Антиутопия: от Аристофана до Гофмана». М.: GLAS, 1993).

Уже в аспирантуре научные интересы Юлии Латыниной смещаются от филологии в сторону истории культуры и истории экономики. Серия ее научно- популярных статей в журнале «Знание- сила» в начале девяностых под общим заголовком «Золотой телец – идол или жертва» была посвящена роли денег и обмена в разных обществах, – архаических, античных, средневековых.

В 1993 году проходит стажировку в King’s College London, занимаясь экономикой европейского средневековья.

Заниматься журналистикой начала с 1995 года, придя работать в газету «Сегодня» экономическим обозревателем. Работала в газетах «Сегодня»

(1996), «Известия» (1996-1997), в журнале «Эксперт» (1997-1998), в ежемесячнике «Совершенно секретно» (1999-2000), «Еженедельном журнале» (2003-2004),

Была автором и ведущим программы «Рублевая зона» на канале НТВ (2000-2001), соведущей программы «Другое время» на канале ОРТ (2001-2002), автором программы «Есть мнение» на канале ТВС (2002-03 гг.), автором рубрики «Своими словами» в передаче «Неделя» на канале Ren-TV (2003-04 гг.).

С 2001 и по настоящее время является обозревателем «Новой газеты», с 2003 – автором программы «Код доступа» на радиостанции «Эхо Москвы» и телеканале RTVi, колумнист электронных изданий «Ежедневный журнал» (с 2005 г) и «Газета.ру».

В 1998 получила премию имени Александра II «За большой личный вклад в отстаивание экономической свободы в России».

В 1999 году Русский биографический институт удостоил Юлию Латынину звания «Человек года» «за успехи в экономической журналистике».

В 2004 стала лауреатом премии имени Герда Буцериуса «Молодая пресса Восточной Европы», в 2007 получила международную журналистскую премию им. Марии Грации Кутули, присуждаемой за лучшие журналистские расследования, в декабре 2008 года получила премию «Защитник свободы», учрежденную госдепартаментом США.

ОЛЕГ КОЗЛОВСКИЙ

Гражданский активист. Директор Фонда «Образ будущего». Член Политсовета объединенного демократического движения «Солидарность».

Родился 8 мая 1984 года в Москве. В 2006 году окончил факультет Вычислительной математики и кибернетики МГУ. В 2008 году окончил магистратуру факультета Прикладной политологии Высшей школы эко-

номики (ВШЭ). Магистерская диссертация была посвящена исследованию ненасильственных демократических революций в Сербии, Грузии и Украине. Сейчас продолжает заниматься этой темой, работая над кандидатской диссертацией в ВШЭ.

В 2000 вступил в правозащитную организацию Международная Амнистия, вскоре избран пресс-секретарем ее Московской группы.

С 2001 по 2007 год участвовал в деятельности Союза Правых Сил. В 2002-2006 годах представлял его в одной из территориальных избирательных комиссий Москвы. С июля 2005 года являлся сопредседателем Московского Молодежного СПС, с марта 2006 – членом политсовета Московской городской организации СПС. В апреле 2007 года вышел из партии и оставил все должности, не согласившись с курсом федерального руководства на переговоры с Кремлем.

В ноябре 2004 года организовал в Москве акцию в поддержку Оранжевой революции в Украине, одну из первых уличных акций, объединивших различные демократические силы.

В марте 2005 года стал одним из учредителей движения “Оборона”, и с июня 2005 по октябрь 2010 года был координатором организации, пока не ушел со своего поста, уступив место более молодым активистам.

В марте 2006 года в Минске принимал участие в “Джинсовой революции” – акциях протеста против фальсификации президентских выборов в Беларуси.

С 2006 года участвовал в организации всех московских Маршей Несогласных и Дней Несогласных, а позже присоединился к Стратегии-31. Более 20 раз задерживался за участие и подготовку этих и других акций протеста.

С ноября 2006 года входил в Политическое совещание коалиции “Другая Россия“, летом 2007 года стал членом Исполкома “Другой России”. Весной 2008 года участвовал в создании Национальной Ассамблеи Россий-

ской Федерации – “протопарламента”, объединившего практически все внесистемные политические и общественные силы в стране.

В 2008 году получил Награду прав человека, ежегодно присуждаемую независимой американской правозащитной организацией Human Rights First. В 2010 году получил Награду демократии им. Иона Рациу, присуждаемую Центром Вудро Вильсона и Фондом Иона Рациу (Великобритания). В 2011 году вошел в список 17 “самых смелых блоггеров в мире” по версии интернет-издания The Daily Beast.

Авторские статьи публиковались в The Washington Post, Неприкосновенном Запасе, на сайтах Ежедневный Журнал, Каспаров.Ru, Huffington Post, RobertAmsterdam.com, НаЗлобу и др.

Среди проектов, осуществленных под моим руководством, iWeekend 2010, Пособники.ру, ОтМента и сайт-шутка Началось.рф.

Женат, воспитывает дочь.